

Читайте также в серии:

«УБИЙСТВА И КЕКСИКИ»

Питер Боланд

«ОПАСНАЯ ИГРА БАБУЛИ»

Кристен Перрин

«УБИЙСТВА В ПЛЯЖНЫХ ДОМИКАХ»

Питер Боланд

«УБИЙСТВА НА ВЫСТАВКЕ СОБАК»

Питер Боланд

КРИСТЕН ПЕРРИН

Подстава от бабули

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Kristen Perrin

HOW TO SEAL YOUR OWN FATE

Copyright © 2024 by Kristen Perrin

Перрин, Кристен.

П27 Подстава от бабули : руководство по раскрытию собственного убийства / Кристен Перрин ; [перевод с английского А. Пугачевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Ток. Убийства и кексики. Душевные истории про убийства).

ISBN 978-5-04-243821-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Старая добрая Англия, 1967 год. После зловещего предсказания Пеони Лейн об убийстве восемнадцатилетняя Фрэнсис Адамс полна решимости изменить свою судьбу. Только, кажется, в милой деревушке Касл-Нолл уже свершилось другое преступление. Когда вся семья Форда Грейвсдауна погибла в автокатастрофе, полиция списала это на несчастный случай. Но не все друзья Фрэнсис в это верят, и она оказывается втянута в расследование мрачных тайн Грейвсдаун-холла.

Наши дни. Энни Адамс наслаждается жизнью в поместье своей двоюродной бабушки Фрэнсис, пока однажды не сталкивается с Пеони Лейн. Гадалка велит ей расследовать смерть семейства Грейвсдаунов. И всего через несколько часов Энни находит труп Пеони в собственной оранжерее. Но это невозможно! Дом был заперт, а нож, торчащий из спины женщины, Энни сама держала в руках буквально пять минут назад.

В Касл-Нолл начинается новая детективная игра, и знаменитый архив с компроматом Фрэнсис вскоре преподнесет много неожиданных сюрпризов.

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© Пугачева А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243821-9

ПРОЛОГ

Окраина Касл-Нолла, 13 мая 1961 года

Прежде чем подписать тюремные документы, она подумала, что имя у нее какое-то простенькое. «Эллен Джонс» не отражало ее сути, ее поступков. И уж тем более не отражало ее судьбу и планы. Все то, что придется оставить в прошлом.

Женщина со строгим выражением лица схватила ее за правую руку и опустила пальцы в черные чернила, по очереди сняв с каждого отпечаток. Карманы обыскали, мелкое содержимое отправилось в картонную коробку: швейцарский нож, несколько монет, скомканная бумажка, на которой были написаны имя и адрес адвоката, почти растаявший леденец.

Было сказано, что ее *задержали*. Арест, задержание, допрос. Таков порядок. В тюремных документах было несколько строчек под личные данные. Она заполнила все, кроме «Имени», написав следующее:

Имя :

Возраст: 16 лет

Рост: 5 футов 4 дюйма¹

¹ 5 футов 4 дюйма равны примерно 163 см. (Здесь и далее примеч. пер.)

Вес: 9 стоунов¹

Волосы: каштановые

Глаза: зеленые с карими вкраплениями

Адрес: улица Риппл-лейн, дом 42, Касл-Нолл

Дрожащая левая рука замерла над последней пустой строкой. У нее с собой не было никаких документов, никто не смог бы установить ее личность. Родителей, которые бы разочарованно вздыхали, узнав об аресте, тоже не было. Нет никого, кто смог бы заплатить залог. Если дело дойдет до суда, хорошего адвоката она себе позволить не сможет. Но суда не будет, ее поймали с поличным. Бесплезно прикидываться невиновной. Когда спросили, были ли у нее помощники, она легко соврала, сказав: «Нет».

Эллен даже захотелось посмеяться над собой. Кто еще додумался бы начинать жизнь с чистого листа в тюрьме? Горожане, конечно, знали ее имя, арестовавшие ее полицейские — тоже. Но теперь ведь все кончено. Можно раствориться в тюремной системе, а выйти новым человеком.

Попробовать стоит.

Она размышляла, куда же делись остальные. Лора «Берди»² Спарроу³ и Эрик Фойл. Она думала, что Эрик, скорее всего, единственный, кто может прийти ее навестить, если ее упекут за решетку. Сама мысль до сих пор казалась странной — «за решетку». За решетку чего? Странного механизма, в котором для каждого есть идеально отведенное место? Она представляла, что люди попадают в тюрьму ржавыми шестеренками, а там уже система обновляет, шлифует и перерабатывает их, чтобы на выходе все детали стали рабочими. Нужными, функциональными. Частью общества. От этой мысли ее передернуло.

¹ 1 стоун равен примерно 6,3 кг, следовательно, 9 — примерно 53 кг.

² От английского слова bird — «птица».

³ Слово sparrow в английском языке означает «воробей».

Эрик Фойл ее понимал, в его груди горел такой же дикий огонь. Она знала, что он ее не бросит, что судьба пока с ними не закончила. Их будущее еще не потеряно.

Она прикусила губу, стараясь не плакать.

Эллен казалось, что, так или иначе, в тюрьму она попала по заслугам. Ведь это она все придумала. Просто придумала плохо. Они заметили его машину, такую узнаваемую, и решили просто рискнуть. Все знали, чей это был автомобиль, — кроме него, никто не решился бы сесть за руль машины такого кричащего фиолетового цвета. Еще и «Бентли». Фиолетовый «Бентли» мог принадлежать только настоящему злодею. И когда Эллен узнала, какие преступления он совершал, то поклялась сделать все возможное, чтобы его остановить.

Заметив эту машину у скрытой от посторонних глаз пышными кронами деревьев заправки примерно в двух милях¹ от Касл-Нолла, Эллен сама приняла решение, пусть и поспешное. В «Бентли», к счастью, никого не было. Она велела Эрику припарковаться в неприметном месте. Они уже знали, что владелец машины не просто заправиться приехал. Он сидит в соседнем здании — замызганном старом пабе. Эрик открыл багажник своей машины, Эллен взяла оттуда монтировку.

Запущенные кусты царапали ей ноги, пока они с Эриком поспешно пробирались из своего заросшего закутка к заправке. Недавно прошел дождь, тяжелые от капель воды пионы щекотали лодыжки. Она чувствовала себя школьницей в стареньких кожаных туфлях со шнурками и гольфах, хотя из школы ушла еще в прошлом году, когда ей было пятнадцать. Она уже нашла свое призвание, учеба бы ей ничем не помогла.

Колонки были пустыми, работник заправки, видимо, отлучился на перекур. Казалось, удача на их стороне. Эрик посмотрел на нее, его чистые голубые глаза походили на неза-

¹ 2 мили — примерно 3 км.

будки, и успокаивающе улыбнулся. Сколько девичьих сердец он разбил... А она была рада поставить свое в очередь.

У двери заправки, около старых колесных дисков, стоял гвоздодер, Эрик побежал за ним. Но их гнев был тогда столь силен, что они справились бы даже с пустыми руками.

Первый удар пришелся по лобовому — когда Эллен замахнулась монтировкой, из нее вырвался радостный боевой клич. По стеклу побежала паутинка трещин, но оно не поддалось, поэтому пришлось ударить несколько раз в одно и то же место, пока лобовое не раскололось полностью.

Эрик накинул на колеса, заколотил по ним острым краем гвоздодера, надеясь, что разрежет их на лоскуты. Как и Эллен, он не растерял запал от первого отскочившего удара. Он нашел слабое место, где резина немного протерлась, и бил по нему, пока гвоздодер не застрял, а шина не издала долгожданный звук «ш-ш-ш».

Затем он с силой пнул металлическую дверь, оставляя вмятину. Еще попинав машину со всех сторон, он начал бить по ее бокам гвоздодером, снова и снова. Краска слетала крупными хлопьями. Звон металла превратил Эрика в средневекового кузнеца, кующего оружие перед войной. Где-то между первым и то ли седьмым, то ли восьмым ударом он сломал несколько пальцев.

Но Эллен знала, что весь их план провалится, если она не доберется до мотора. Главное, чтобы этот автомобиль не смог довезти своего владельца до места назначения. Эллен бросила монтировку, встала коленями на бампер, удерживая равновесие, и открыла капот. В пальцах блеснул появившийся из кармана швейцарский нож, Эллен держала его в левой руке, глазами ища нужный трос, про который ей рассказал Эрик. Она порвала несколько шлангов, потянув на себя каждую резиновую трубку и трос. Провода аккумулятора были перерезаны, охлаждающий моторчик отсоединен, шурупы отвинчены и выброшены в кусты.

Эллен знала, что больше никогда в жизни не будет чувствовать себя настолько живой, настолько целеустремленной и сильной, как тогда, когда она стояла, упираясь коленками в бампер машины того человека и выдерживая ее внутренности.

Но триумф не лишил ее холодной расчетливости. Как только Эллен перерезала нужный провод, она выбралась из-под капота и с несвойственной моменту осторожностью опустила крышку. Три решительных шага — и она уже была рядом с Эриком. Эллен подобрала монтировку с земли и ударила по окнам.

Даже когда завопили полицейские сирены, она не остановилась. Эрик растворился, не проверив, последовала ли она за ним. Эллен тонула в адреналине, она ничего не слышала. Только когда ее оттаскивали от машины, всю запачканную машинным маслом и потом, когда сильные руки надевали на нее наручники, она заметила разъяренный взгляд. Взгляд владельца «Бентли».

— Я не жалею, — сказала она тихо.

И когда ее рука замерла над графой «Имя», она все еще ни о чем не жалела. Эллен надеялась, что Эрик расскажет всем правду, если ее приговор окажется слишком суровым. Надеялась, хотя прекрасно понимала, что он может испугаться, ведь застрял в сложной ситуации. Он не мог бросить младшего брата, Арчи. Да и начальство у него очень властное. Эрик промолчит, если так будет безопаснее для него самого. Его будущее она знала.

Ей было известно будущее каждого из них.

Наконец она позволила руке опуститься и вписала свое имя аккуратными, четкими буквами. Имя, которое пронесет с собой до конца жизни.

Пеони Лейн

Окраина Касл-Нолла, наши дни

Обычно Пеони Лейн этой дорогой в деревню не ходила — слишком долгий путь для человека ее возраста. Но когда автобус, который вез ее из дома по крутым поворотам пригородной трассы к Касл-Ноллу, вдруг сломался в трех остановках до деревушки, Пеони охватило очень плохое предчувствие, сердце ушло в пятки.

Которое предсказание сбылось в этот раз? У нее были свои способы хвататься за образы и слова, аккуратно сжимать их в голове, как нежные апельсины в супермаркете, а затем делить их и выдавать людям в виде гаданий... Это вам далеко не точная наука.

Она стояла на границе мокрого газона и смотрела на тропинку, которая вела к старому пабу, заправке, к бесконечным рядам новых домов — а там и до самого Касл-Нолла. Призраки воспоминаний тянули ее за рукава, Пеони потуже замоталась в шаль с узором тартан¹. Здоровье у нее было хоть куда, так что она решилась и выдвинулась в путь.

¹ Тартан — традиционный шотландский узор на тканях, своеобразная «клетка». Цвета и линии на одеждах с тартаном определяют, к какому клану принадлежит владелец.

Она быстро добралась до заброшенного паба, который уже несколько лет как лишился стены, ее заменили на короткий кусок ДСП. Его, беднягу, изрисованного граффити, истрепала и погнула погода.

Застонали старые деревянные стены паба, и Пеони пронзила тревога. Этот звук стал единственным предупреждением, на которое здание оказалось способно. С крыши вдруг начала скатываться черепица, как огромные сломанные зубы из побеленного каменного рта. Пеони замерла в отдалении, а затем, когда раздался треск перекладин и крыша провалилась внутрь, сделала несколько шагов назад. Передняя стенка паба рассыпалась, будто все это время состояла только из слоев пыли и краски. Окна не разбились — в них уже не осталось стекол, — а входная дверь раскололась надвое прежде, чем ее похоронили развалины стен.

Когда Пеони увидела то, что стояло внутри здания, призраки прошлого отрастили ноги и понеслись вскачь. Цвет машины едва можно было разглядеть под слоями пыли, черепицы и камня, но форму она ни с чем не смогла бы спутать. Старый «Бентли», изуродованный аварией, унесший с собой жизни троих человек, стоял и ждал ее.

В этот момент Пеони осознала, что заблуждалась. Много лет назад она предсказала будущее, но только сейчас поняла, насколько ошиблась.

Прошло несколько минут. Звуки крушения паба привлекли чужое внимание, кто-то направился к ней. Стоило бы бояться, что ее здесь заметят, но в голове кружилось слишком много увесистых мыслей.

Она сделала напряженный вдох через нос, сжала челюсть и кивнула разрушенному зданию.

— Хватит, — сказала она.

А затем продолжила свой путь, теперь уже чуть быстрее, потому что пункт назначения изменился.

ГЛАВА 1

1 ноября

Осень пришла в Касл-Нолл внезапно, будто, пока я спала, стихия сменила декорации природы как задник театральной сцены. Я так привыкла к ленивой мороси Лондона при смене времен года, что утром, увидев из окна буйство красок, вскочила, оделась и побежала на улицу, как ребенок, который открыл глаза в рождественское утро и заметил снег.

Я замедляюсь, только чтобы заварить кофе. Быстро переливаю его в термос. Я укутана в огромный пуловер, связанный в технике фейр-айл¹, а ноги спрятаны в еще не разношенные резиновые сапоги. Надеюсь, сегодня удастся их хорошенько испачкать. Ничто так не выдает неопытного деревенского жителя, как чистые резиновые сапоги, на которых нет ни комочка грязи, а я стараюсь убедить местных (и себя), что приехала не просто поигратися в наследницу поместья.

Но пока мои карманы все полнятся принесенными с улицы безделушками — я не могу пройти мимо желудя или блестя-

¹ Фейр-айл — техника вязания, названная в честь шотландского острова, на котором и была придумана. Это вязание нитями сразу нескольких цветов для создания цветных узоров — часто геометрических фигур, цветов.

щего каштана, — а человек, который провел в Касл-Нолле всю свою жизнь, вряд ли стал бы таким заниматься, если ему, конечно, не лет десять. Этим утром я шагаю по двору, вбираю в легкие пропахший увяданием, землистый воздух и пытаюсь найти новые источники вдохновения для книги. В саду туман сбивается в лужицы, предвещая морозный день.

Я продолжаю убеждать себя, что загородная жизнь мне подходит. Что она питает во мне писателя, что я наконец-то нашла свое место. Эту мантру я повторяю каждое утро, прогуливаясь через земли Грейвсдаунов к деревне. Говорю себе, что атмосфера паба, в который я прихожу писать, идеальна для того, чтобы начать фонтанировать идеями для детектива. Свет здесь приглушен, люди приходят и уходят, и их болтовня не смолкает ни на секунду.

Каждый день я занимаю одно и то же место в «Мертвой ведьме» у камина и изучаю меню с уверенностью человека, чей банковский счет недавно пополнился как минимум миллионов на сорок¹.

И чаще всего я верю себе, когда говорю, что каракулям, которые я успеваю нацарапать за день, просто нужно время, и они вырастут во что-то грандиозное. Чаще всего.

Но не сегодня.

Прогулка в тумане быстро превращается в мучительный марш, потому что сапоги сильно натирают. Утренний настрой стремительно сдувается до тревоги. Привыкнуть к жизни за городом будет совсем не так просто, как я рассчитывала. Особенно после Лондона, где я порхала с мамой из галереи в галерею и выживала на сэндвичах с сыром. Я, как бы глупо это ни было, по ним скучаю. Не по отвратному дешевому хлебу и яркой горчице со вкусом гуаши, конечно. По человеку, которым я тогда была.

¹ Речь о фунтах, что примерно равняется 430 миллионам рублей (курс от июня 2025 года).

Самая большая проблема — непосредственно дом. Летом Грейвсдаун-холл был гораздо теплее — и не только в плане температуры. Лучи летнего солнца постоянно били сквозь ромбы кристаллов-решеток на окнах, отбрасывая на пол настоящий калейдоскоп солнечных зайчиков. Сады были не чем иным, как произведениями искусства. Я до сих пор плачу садовникам тети Фрэнсис, но ее постоянный сотрудник Арчи Фойл оставил подстригание живых изгородей, которые обрамляют длинную подъездную дорожку, в прошлом. Без его насвистываний и болтовни двор как-то опустел.

В августе Грейвсдаун-холл был загадочным местом — с кучей тайн и опасностей, благодаря которым я чувствовала себя живой, и, что важнее всего, большим количеством людей. Внучка Арчи — Бет, которая раньше готовила для тети Фрэнсис, постоянно заходила, пекла что-нибудь вкусненькое, пока мы пытались раскрыть убийство тети. Убийство, которое, кстати говоря, было предсказано гадалкой по имени Пеони Лейн еще в 1965 году. Тетя всю жизнь пыталась избежать такой смерти. Безуспешно, как оказалось. Я постаралась убедить Бет остаться и работать в прежнем режиме, но она сказала, что теперь в этом доме ей слишком грустно.

Есть ощущение, что после того, как я унаследовала поместье Грейвсдаун, местные отвернулись от меня. Возможно, мне только кажется. Просто деревушка такая маленькая... Если выходить из дома — а я это делаю часто, — то просто невозможно ни на кого не наткнуться. А если ты не натыкаешься... Скорее всего, тебя избегают.

Я раскручиваю крышку термоса и делаю скромный глоток обжигающей жидкости. Может быть, меня все еще считают чужаком? К тому же как только убийство тети было раскрыто, по всей деревне явно поползли слухи, что у нее обнаружилась целая комната, забитая папками с компроматами на каждого.

Я часто думаю о своих попытках завязать разговор с почтальоном на прогулке или с барменами в «Мертвой ведьме». В ответ я получала только натянутые улыбки. Очевидно, что при виде меня люди думают о собственных секретах. Задokumentировала ли их тетушка, добралась ли до этих тайн я?

Мысли сами возвращаются к дому. Правильно ли я сделала, решив остаться? Осень обхватила поместье в свои морозные объятия — солнце реже оставляет на полу калейдоскопы, дружелюбные розы в саду превратились в коллекцию шипов, пускающих длинные тени. Когда ночью я остаюсь единственным человеком на все семнадцать спален, библиотеку, три гостиные, зал для принятия гостей, веранду и кухню размером с лондонскую квартиру, мне безумно хочется, чтобы мама включила музыку на полную, а я взяла в руки сэндвич с дешевым сыром.

Ноги сами привели меня к окраине сада, и, выйдя из витиеватых железных ворот на заросшие поля, окаймляющие границу леса, я вдруг заметила какую-то фигуру в тумане. Я, щурясь, приглядываюсь — может, это лошади с фермы Фойлов сбежали? Фигура приближается ко мне неуклюжей походкой, и мне удастся разглядеть сутулые плечи и узор на шерстяной шали.

— Здравствуйте? — говорю я.

Мы на частной земле, но местные нередко сюда забредают. Гость молчит, но, когда клубы тумана расступаются, я вижу перед собой красивую пожилую даму. У нее длинные белоснежные волосы, собранные в толстую косу, которую она заколола вокруг головы. Женщина сутулится из-за морозца, но, как только мы встречаемся взглядами, незнакомка выпрямляется. Дама выглядит лет на семьдесят пять — восемьдесят, но сразу видно, что всю жизнь она тщательно заботилась о своем здоровье. Судя по одной только осанке, на коврике для йоги она меня уделает.